

ОСНОВНЫЕ ПАРАМЕТРЫ, ФОРМИРУЮЩИЕ КУЛЬТУРУ МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ

Культура – это сложная, противоречивая, исторически развивающаяся основа человеческой деятельности, поведения и общения, выступающая условием воспроизводства и изменения социальной жизни. В качестве параметров изучения и исследования культуры монголоязычных народов выступают образ жизни, буддизм, человек и его менталитет.

В рамках сказанного, автор статьи изучает первые два аспекта, оказавших огромное влияние на культуру монгольских народов, её своеобразие. Данной теме в последнее время уделяют значительное внимание российские и монгольские исследователи. Можно назвать таких ученых, как А. Позднеев, Е. Торчинов, В. Дианова, Ж. Долгорсурэн, Эрдэнэцэцэг, В. Бадмаев, К. Наднеева и другие. Культура монголоязычных народов в истории развития и становления общества связана прежде всего с образом жизни вышеназванных народов: кочевой, полукочевой, оседлой. Некоторые исследователи называют её кочевой цивилизацией (В.В. Грайворонский)¹. Главный критерий – это кочевое животноводство, хозяйствование и кочевой образ жизни, поскольку не закреплена территория, условно очерчен регион: там, где степь, полустепь; умение адаптироваться к суровым природно-климатическим условиям засушливых территорий Центральной Азии, слитность с природой.

Соответственно, вся материальная и духовная культура приспособлена к образу жизни кочевых народов. Еще одна специфика становления культуры монгольских народов связана с тем, что калмыки, монголы, буряты, минуя стадию капиталистического разви-

¹ В.В. Грайворонский. О вкладе монголоязычных народов в мировую цивилизацию.// История и культура монголоязычных народов: истоки и традиции. Улан-Удэ. 1989, с. 91.

тия, осуществили переход к социализму, а это отложило отпечаток на их культуру: отсутствие влияния классической западной культуры, ее индивидуализации, приоритета самостоятельности и самости. К специфике культуры монгольских народов можно отнести и то, что калмыки, буряты находятся в духовном пространстве России и отсюда взаимовлияние культур, другое, в частности, влияние русской культуры, выражающееся в том, что калмыки, буряты исходят из двуязычия (русский, калмыцкий; русский, бурятский), что способствует тому, что данные народы не чувствуют расщепления культуры, ее инаковости. С 30-х годов XX века, перейдя на оседлый образ жизни, калмыки и буряты уже не приспособляются к кочевому существованию, поскольку приобретают единое российское пространство, единую социализацию и моноидеологию.

В качестве еще одного аспекта своеобразия культуры монгольских народов можно выделить влияние глобализационных процессов, происходящих в мире: контакт и расширение международных связей, расширение диалога культур в контексте мировой цивилизации. Свойственные человечеству идеи духовности, гуманизма в измерениях глобального пространства вклиниваются в диалог культур, что способствует гармоническому развитию той части общества, где занимается не только научными поисками решения задач, но и вовсе далеких от науки и многих тонкостей, возникающих в процессе освоения действительности, в том числе деструкций, наблюдающихся в мире.

Культура монгольских народов связана с буддизмом. Люди буддийского склада были менее связаны с материальным достатком, соответственно, они более свободны и самодостаточны, чем оседлые: человек подобной ментальности и менталитета повинуется феодальной знати, вышестоящим лицам не как конкретному лицу, а как власти, предначертанной, установленной свыше (заясн юмн), – которая правит народом, отдельным человеком по велению Абсолюта (Будда, Вечно Синее небо (Тенгр). Кочевые народы, т.е. ойраты, не накапливали движимое имущество, а потому и не впадали в соблазн из-за страха его потерять; не умели они и кривить совестью, изменять и предавать. Кочевник, все то, что ему было дорого, носил в себе, а горожанин, все, что ему до-

рого, видел в материальном благополучии и достижении успеха в работе и карьере.

Буддийское вероисповедание с его представлением о карме, о страдании, шуньяте (пустота) в какой-то степени способствовало и способствует развитию нравственных основ характера народа: терпимости, великодушию, просветленности, ясному спокойствию, внутреннему самоконтролю, совести, ответственности за свои поступки перед будущим поколением, перед своим народом. Об этом же пишет Н.В.Гоголь. «В религии калмыков таятся слишком замечательные начала, говорящие о внутренней силе этого беспечного народа». И это так, ибо сила духа, беспечность (жить одним выпасом, одним днем), – это одни из главных черт калмыка, которые сформировались не только буддийским мировоззрением, но и жизнью в условиях кочевого феодализма. В результате чего в образе жизни калмыки унаследовали и сохранили традиционную культурную основу кочевого быта. Вместе с тем следует констатировать и то, что на дальнейшее развитие способа существования большое влияние оказали и оказывают этнокультурные контакты с регионами, странами, Россией, и эти влияния на формирование собственной культуры калмыков нельзя недооценивать.

В результате исторической эволюции сформировался своеобразный, заметно отличающийся от прежнего ойратского типа культуры, идентичный облик современного калмыцкого этноса: азиаты по происхождению, европейцы по месту современного расселения; кочевники по своему традиционному хозяйственно-культурному типу; оседлые земледельцы – животноводы в силу исторического характера экономической деятельности. Отсутствие бога как первопричины, включение Будды в сферу предметной этнофилософии, способствовало тому, что философское буддопознание означало устранение неисчерпаемой по глубине и возвышенности таинственности сверхъестественного бытия. В результате чего буддизм становится культурной доминантой и может выстроить дистанцию между Буддой и миром; Буддой и образом жизни калмыков; Буддой и человеком.

Под влиянием буддизма закреплялись созерцательность, индифферентность, ставшие основными чертами жизнедеятель-

ности человека в условиях кочевого и полукочевого существования. Известный русский исследователь А. Позднеев писал: «Можно сказать, что созерцательным характером проникнуты почти все творения монголов и почти в каждом из них проглядывает какое-то уныние, какая-то тоска души, мучимой неразрешимостью вопросов жизни: но этого мало, мы находим у каждого из монгольских племен даже целые песни с таким рядом вопросов. Певец обращается в них и к солнцу, и к луне, и к животным, одним словом, ко всей природе...». Калмык в миропредставлении тоже не отделяет себя от природы, он оживляет все, к чему бы он ни прикасался, так как имеет жизненную энергию; все нуждается во внимании и заботе, бережном отношении, желательно не нарушать гармонию, которая есть во Вселенной. В то же время, характерная для калмыков созерцательность, попытки разгадать тайны вечно находящихся в движении природы и человеческого бытия, – своими глубокими корнями уходят в далекое прошлое, и не только вхождение буддизма в среду калмыков этому причина.

Как справедливо отмечает А. Позднеев, религия могла лишь сковать пылкое, мятущееся в тщетной отгадке тайн мироздания сознание умудренного кочевника, «дав ему более или менее удачные ответы на тревожившие его вопросы», но окончательно разрешал свои проблемы он только сам. С другой стороны, именно своеобразная черта мироощущения, сформировавшегося в седле наездника и его кочевой образ жизни создавали у калмыка предрасположенность к восприятию буддизма. И в то же время религия не смогла вытравить древней, характерной для народного мироздания основы, выражавшейся в наивности и первозданной чистоте помыслов человека.

Не менее характерной чертой образа калмыков являются конкретность, привязанность к кочевью, одновременно с тягой к перемене мест. Это проявилось прежде всего в исторической памяти, достоверности отражения событий, упоминании точных буддийских терминов, названий праздников и обрядов, в именах персональных божеств. Их дифференциация (мужские, женские; конкретизация: божества мудрости, врачевания, долголетия и т.д.) рождала у калмыков определенные реальные ассоциации: ум, ме-

дицина, возраст, мужчина, женщина и др.; формировала трепетное отношение к разуму, учению, к природе. Йорялы (благопожелания) в честь буддийских праздников, обрядов, божеств (Цаган аав, Окон Тенгри, Майдари, Зунква и др.) прославляли их сущность, деяния, отдавали должное их совершенству. Тяга же к перемене мест была связана не только с истощением пастбищ, но и суеверием, что оставаться на одном месте долго нельзя, к людям привыкает нечистая сила и может причинить неисчислимые бедствия.

У калмыков отсутствовало понятие государства, ибо все находилось в подчинении хана (вплоть до упразднения ханства в 1771 г.), а затем последовал период подчиненности царскому правительству при относительной независимости калмыцкого ханства. И после Октябрьской революции калмыки находились в зависимости от российского государства. Это показала незаконная депортация калмыцкого народа в 1943 году, и его тринадцатилетнее пребывание в Сибири и других отдаленных местах; лишения его политических, экономических, юридических и моральных прав. Истоки харизматического типа личности находятся в прямой корреляции с традиционными формами власти, восприятием традиционной формы бытия. Одновременно меняется образ калмыков, меняется и их облик. Это указывает на то, что не только буддийская концепция человека оказывает влияние на их мировидение. В результате, в условиях обновленного общества, формируются такие качества как предприимчивость, сметливость, раскованность, хотя терпимость, страдание, смирение перед судьбой, также сопровождают жизнь калмыка в условиях сурового климата.

Общим существенным моментом для буддизма и культуры калмыков в их антропологической части является принцип рассмотрения природы человека и сущности человека, его предназначения в связи с абсолютном. Человек предстает и одномерным и сложным образованием, ядром которого является его тождественность с бытием – абсолютном (Будда). Буддореализация в этой связи выступает как высшее назначение человека, причем человек становится Буддой не в прямом смысле, а открывает его в себе. Человек предстает не как обособленная, замкнутая структура, затерянная во Вселенной, и не как покоритель природы, а как динамическая

система, имеющая многочисленные и загадочные связи с природой; микрокосм, репрезентирующий всю Вселенную. Такая «космическая» модель человека в последнее время находит все больше приверженцев на Западе, правда, чаще вне академической философии и науки, оказывает она влияние и на калмыцкое мировидение.

Важным параметром для изучения культуры монгольских народов является менталитет, своего рода духовный образ (мир) человека, способ мышления личности. В 90-х годах XX столетия российские исследователи начинают изучение, осмысливать категорию «менталитет». К ним относятся А.Я. Гуревич, А.П. Ястребитская, В.П. Даркевич и другие. Не обошли эту проблему и калмыцкие ученые – Имкенова А.Б., Санчиринов В.Н., Дорджиева Е.В. и другие. Автор данной статьи обращает внимание на менталитет как категориальное понятие в его влиянии на культуру монголоязычных народов, в особенности калмыков.

Менталитет, ментальность (от английского – склад ума, умонастроение) определяется как неосознанные представления, верования, ценности, традиции, модели поведения и деятельность различных групп и слоев общества, над которым надстраиваются теоретические и идеологические системы.¹ Российский ученый В.С. Барулин раскрывает содержание менталитета через многообразие и богатство его составляющих, включая: факторы общественно-культурные, уходящие корнями в социальную жизнь и ее структуры; факторы природные, захватывающие как природную среду обитания человека, так и его собственную природу; факторы сознательные, подсознательные, которые не осмысливаются самим человеком; факторы рациональные (наука, философия, политика, политическая идеология и т.д.); факторы общественные, идущие от социума, социальности и т.д.; факторы индивидуальные, истоки которых в интимных глубинах личности.²

Ядро менталитета – человек с его жизнедеятельностью. Здесь отсутствует жесткая редукция, которая бы отсекала от ядра человеческого существования по тем или иным мотивам моменты че-

¹ Природа и дух: мир философских проблем. Санкт-Петербург, 1995. Ч. II, с. 173

² Барулин В.С. Социальная философия. М.: Изд. МГУ. 1993. Ч. II, с. 80-84.

ловеческой жизнедеятельности (например, область бессознательного). Менталитет складывается в течение длительного времени. Конечно, в первую очередь на человека влияют обстоятельства его жизни, непосредственно им воспринимаемые и требующие от него ответной реакции. Но не только они. История общества, в котором живет человек, традиции и культура, стандарты поведения, стиль мышления, – все это факторы, зачастую неосознанные человеком, а если и осознанные, то не вполне им оцененные. Они влияют на человека, оседают в нем, формируя его ментальность, ценностные качества.

Буддизм ойратов часто рассматривается вне контекстов культурных достижений их этнических предков, системы культурных связей, существовавших в то время в Центральной Азии. При этом часто преувеличивается, по мнению Б.У. Китинова¹, роль культурного (буддийского) воздействия со стороны монголов, особенно в конце XVI в.; не акцентируется внимание на том, что добуддийские верования продолжали и продолжают занимать не последнее место в сознании ойратов-калмыков. Вследствие этого, можно отметить, что культура монголоязычных народов – явление неоднозначное, хотя истоки и корни одни, но каждое государство прошло свой собственный путь, осмысление миропорядка.

Менталитет человека носит глубинно-устойчивый характер, находясь в динамичных, бесконечно-разнообразных обстоятельствах жизни. Человек реагирует на них, приспосабливается, непрерывно меняет ориентиры своего поведения. Без такой динамической адаптивности он просто не смог бы существовать вообще. Менталитет же характеризует не эту бесконечную вариантность человеческого поведения, а нечто более глубинное, утонченное. Его можно обозначить как основу человеческого существа, которая как раз и позволяет ему бесконечно видоизменять свое поведение, оставаясь при этом, в сущности, одним и тем же.

Менталитет, будучи устойчивой основой человеческого существа, выступает активным фактором жизнедеятельности индивида. С одной стороны, он подвигает человека на выполнение опреде-

¹ Китинов Б.У. К проблеме этноидентификации при изучении буддизма ойратов//Вестник МГУ. Серия 13. Востоковедение. 1995, с.51.

ленных действий, следование определенным ценностям, предпочтение определенной культуры. С другой же – он является основанием для отталкивания человеком всего того, что ему чуждо; неприятия определенных стандартов поведения, идей и т.п. Иначе говоря, менталитет мощно детерминирует всю линию поведения человека.

Таким образом, ценность понятия «менталитет» заключается в том, что оно исходит из предельно широкого ареала факторов человеческого бытия, не замыкаясь ни на одном из них и принципиально не отвергая ни один из этих факторов. Менталитет характеризуется целостностью, наличием качественного ядра. Все факторы, составляющие менталитет, существуют не только в своей разнородной противоречивости, но и в своей внешней и внутренней связи и сопряженности. Они сливаются в некий сплав, структуру, определенную предрасположенность индивида мыслить, чувствовать и воспринимать мир по-своему, определенным образом действовать, предпочитать (или отвергать) некоторые ценности, культурные коды и т.д. Иными словами, менталитет выступает как основа целостного образа человека, детерминирующая всю линию жизнедеятельности человека.

Применительно к проблеме новой парадигмы по отношению к калмыкам мною «менталитет» определяется как определенный образ жизни и мироосознавание, включающее буддийское верование, образ жизни, поведение. Издавна буддизм махаянского толка как часть культуры степных кочевников, одновременно будучи государственной религией до XVII в., но не выступая таковой в период социализма, являлся санкцией и идеологией, пронизывая быт кочевого, а также оседлого человека.

Природу менталитета следует рассматривать через образ жизни скотовода-кочевника, включая его предрассудки, иллюзии, здравый смысл, процесс освоения окружающего мира во взаимосвязи с материальным. И он складывается из предельно широкого набора факторов человеческого бытия, являясь своеобразным интегратором. Эта проблема остается недостаточно изученной и еще не находит системного, комплексного отражения в научной литературе, между тем особая актуальность ее изучения приобретает в насто-

ящее время в связи с самосознанием монголоязычных народов, с эпохальными преобразованиями в регионах, России. Это связано с осознанием себя в настоящем как части целого, уходящими корнями вглубь прошлого и устремленного в будущее.

С одной стороны, субъект находит свое отражение в форме бытия, в прошлом калмыцкой нации, предков, религии, истоках, в том, что определено в памятниках материальной и духовной культуры, влияющих и в значительной мере определяющих образ жизни, мысли. С другой стороны, по мере интернационализации и интеграции экономической, политической жизни в республике, роль самосознания в сохранении национальной культуры, национальной самобытности, коей якобы является только буддизм, возрастает.

По существу «менталитет» – понятие широкое, куда входит и этносное восприятие, которое становится достоянием общественного миропонимания, тем самым усиливая определенную качественную характеристику его содержания. Ввиду этого он имеет ряд ярко выраженных признаков и структурных особенностей. В структуру менталитета входят общее и единичное, особенное; теоретическое и индивидуальное; рациональное, эмоциональное, этносное и субэтническое, сознательное и иррациональное.

Создание концептуального видения менталитета монгольских народов включает существенные признаки, куда входит широкая палитра взглядов, представлений, сформулированных в процессе материализации; сочетание сознательного и бессознательного моментов, когда идет выбор пути, исторической ответственности за принимаемые решения, имеющие принципиальное значение для этноса.

Заметную роль в формировании ментальных черт калмыков играет единство идеологического и психологического начал, внутренние и внешние противоречия, гармонизированное существование без острой борьбы. В частности, в этом вопросе нужно учитывать природную среду обитания калмыков, когда буддизм вместе с добуддийскими верованиями ставил во главу угла религиозности традиции кочевников, быта народа, его непосредственную вплетенность в природу. Это этническое своеобразие наложило